

союзных республик (1962–1973 гг.); 5) период регулирования правовых основ милиции на уровне высшего органа государственной власти (Президиума Верховного Совета СССР), а работников милиции – на подзаконном (преимущественно ведомственном) уровне (1973–1991 гг.); 6) период возведения правовой регламентации статуса работника (сотрудника) милиции до уровня закона (1991 г.).

Обобщение проведенного историко-правового анализа регулирования статуса работника милиции советского периода наряду с его поступательной дифференциацией позволяет констатировать, что фундаментальные дореволюционные проекты преобразования полицейской системы (в том числе проект А. А. Макарова), предполагающие разработку кодифицированного акта, регламентирующего деятельность полицейских учреждений, не были восприняты, так как рассматривались в качестве чуждого инструментария.

В качестве предпосылок подготовки и принятия Закона СССР «О советской милиции» и Закона БССР «О милиции» могут быть выделены крайне незначительный удельный вес закона в регламентации деятельности работника милиции; преувеличение роли нормативных актов МВД СССР по отношению к законодательным актам; несистематизированность и связанная с ней проблемность подзаконной нормативной основы деятельности милиции; существенное влияние на нее законодательно регламентированного принципа партийного руководства милицией.

Список использованных источников

1. Гусак, В. А. Деятельность советской милиции по обеспечению функционирования тыла в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. А. Гусак. – М., 2010. – 484 л.
2. Кудрявцев, В. Н. Правовое государство: проблемы и перспективы / В. Н. Кудрявцев // Социалист. законность. – 1988. – № 9. – С. 3–8.
3. Раков, О. В. Организационно-правовые основы патрульно-постовой службы советской милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О. В. Раков ; Моск. высш. шк. милиции МВД СССР. – М., 1980. – 21 с.
4. Соловей, Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации / Ю. П. Соловей ; науч. ред. Л. М. Колодкин. – Омск : ОБШМ МВД России, 1993. – 501 с.
5. Яковлев, В. Ф. Советское правовое государство и юридическая наука / В. Ф. Яковлев // Совет. государство и право. – 1989. – № 3. – С. 53–62.

Дата поступления в редакцию: 31.08.2022

УДК 340.1

В. И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-педагогического факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: vadim_pavlov@tut.by

ПРАВОПОНИМАНИЕ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА: ИСТОЧНИК ОБЯЗЫВАЮЩЕЙ СИЛЫ ПРАВА, ПРАВОГЕНЕЗ И ПРОБЛЕМА «РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО ТЕЗИСА»

Рассматриваются три ключевых вопроса правопонимания в антропологической концепции права: источник обязывающей силы права, правогенез и проблема соотношения права и нравственности. Описываются основы антропологического понимания права как структуры трех взаимосвязанных элементов: правового деятеля, нормы права и факта правовой жизни. Обосновывается, что в концепции обязывающая сила права исходит из факта легитимации правопорядка и его общего признания как ценностного и общезначимого посредством системы официальных источников права. Государство рассматривается как авторитетная и властная форма позитивации права, так и субъект его правоустановления. Вопрос соотношения права и нравственности на уровне правового деятеля как основного элемента права разрешается посредством признания синтеза этих двух сфер нормативного долженствования.

Ключевые слова: правопонимание, норма права, право и нравственность, антропологическая концепция права, правовой деятель

*V. I. Pavlov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Doctoral student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: vadim_pavlov@tut.by*

**LEGAL UNDERSTANDING IN THE ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF LAW:
THE SOURCE OF THE OBLIGATORY FORCE OF LAW, THE GENESIS OF THE LAW
AND THE PROBLEM OF THE 'THESES OF DIVISION'**

The article throws light on three key issues of legal understanding in the anthropological concept of law: the source of the binding power of law, genesis of the law and the problem of the correlation of law and morality. The foundations of anthropological legal understanding as the structure of three interconnected elements are described: a legal statesman, the norm of law and the fact of legal life. It is grounded that in the concept of the obligatory force of law proceeds from the fact of the legitimation of law and order and its general recognition as a valuable and generally important system of official sources of law. The state is considered both as an authoritative and powerful form of positiveness of law and the subject of its institution. The issue of the correlation of law and morality at the level of the legal statesman as a basic element of law is resolved by recognizing the synthesis of these two spheres of normative obligation.

Keywords: legal understanding, rule of law, law and morality, anthropological concept of law, a legal statesman

Любая юридически значимая жизненная ситуация, возникающая в правовой действительности, практически всегда связана с исходными основаниями правового познания. Центральное место среди таких оснований занимает тема понимания права, связанная с уяснением его сущности, социального назначения, решением вопроса об обязывающей силе права, о соотношении права и нравственности и т. д. С одной стороны, юрист-практик редко ставит такие вопросы, так как в своей профессиональной деятельности он основывается на нормах действующего законодательства. С другой стороны, любая юридическая коллизия, правовая неопределенность, несогласованность юридической практики, пробел в праве или несовершенство его отдельных положений сразу отсылают к понятию должного в праве в целом и в пространстве конкретной правовой системы в частности. Руководящее значение вопрос правопонимания приобретает при подготовке новых нормативных правовых актов, проведении кодификации отрасли права или законодательства, разработке правовых актов концептуального или программного характера, формулировании правовых позиций высшими судебными инстанциями.

Правопонимание является не только философско-правовым концептом и теоретико-правовым положением, но и конкретным познавательным-правовым инструментом, с помощью которого можно установить предельные основания правопорядка. К теме понимания права нередко обращаются национальные конституционные суды и высшие судебные инстанции общей юрисдикции. Однако в отличие от тех или иных элементов правотворческой или правоприменительной деятельности правопонимание – это все-таки элемент правовой доктрины, посредством которого происходит синтез науки и конкретных вопросов правового регулирования.

Тип правопонимания формируется в рамках правовой концепции, принятой автором, научным сообществом, а иногда и целым правопорядком за основание правового познания. В масштабах правопорядка тип правопонимания можно определить по нормам Конституции, однако в такой квалификации могут быть существенные уточнения и нюансы, связанные со спецификой национального права и практикой его реализации. В общеправовой теории сформировались три типа правопонимания: юснатурализм, юридический позитивизм и социологическое правопонимание, именуемые классическими. Наряду с ними в современной юриспруденции разрабатываются и другие типы правопонимания, связанные с развитием постклассической методологии юридической науки. Среди таких следует назвать либертарно-правовую теорию, коммуникативную концепцию права, юридическую герменевтику, антропологию права, юридическую лингвистику и т. д. В рамках выбранной темы интерес представляют отдельные вопросы антропологического правопонимания, разработанные применительно к соответствующей правовой концепции.

В отличие от классических типов правопонимания, в антрополого-правовой концепции право рассматривается не как определенное сущностное основание (право как идея, право как норма, право как факт), но как *правовая структура* трех взаимосвязанных элементов – человека

в праве, нормы права и факта правовой жизни [12]. Одним из первых такой подход к разработке вопроса понимания права на основании феноменологической методологии применил известный правовед, ученик П. И. Новгородцева Н. Н. Алексеев [1, с. 74–75].

Среди трех указанных элементов человек в праве, или правовой деятель, представленный в форме антрополого-правовой модели, занимает центральное положение – он синтезирует, осуществляет актуализацию нормы права и факта правовой жизни. Не менее значимое место в решении вопроса о понимании права принадлежит и *правовой норме*. Хотя последняя в обосновываемой концепции в соответствии с принципом человекомерности рассматривается только в связи с правовым деятелем, тем не менее в общеправовой теории вопросы понимания права всегда связывались с темой правовой нормативности. И это неслучайно, поскольку проблематика правовой нормы связана с установлением истоков, характера, природы правовой нормативности в целом как особой сферы должностования, свойственной праву. В этой связи обратимся к анализу правовой нормативности посредством рассмотрения трех основных проблем, традиционно обсуждающихся в рамках вопроса понимания права: об обязывающей силе права, его действительности и действительности; о правогенезе, т. е. первичном источнике правоустановления; о «разделительном тезисе», т. е. об отличии права от нравственности.

Для уяснения характера правовой нормативности в антрополого-правовой концепции предварительно полагаем необходимым выделить несколько *методологических уровней рассмотрения* проблемы правопонимания.

На первом *концептуально-теоретическом (онтолого-гносеологическом)* уровне обосновывается природа права посредством, как правило, философско-правовых концептов в рамках определенного подхода. Это предельно абстрактный и самый глубокий анализ права с использованием правовых универсалий. На втором *функционально-инструментальном* уровне обосновывается право применительно к правовой действительности в конкретной юридически значимой ситуации. На данном уровне используется не язык правовых концептов, а операциональные понятия и категории общеправового характера, соотносимые с правом конкретного правопорядка, конкретного государства и общества.

Указанные два уровня анализа правопонимания, несмотря на взаимосвязь между ними, необходимо различать. Требование такого различения связано с тем, что концептуально-теоретический язык напрямую сложно применить для решения операциональных задач, возникающих в практической юридической деятельности, равно как и юридико-догматических понятий недостаточно для раскрытия природы права. В концептуально-теоретический уровень входят и вопросы политики права, связанные чаще с проблемой места государства в процессах правогенеза и действия права. Постановка этих вопросов в основном имеет смысл только на концептуально-теоретическом, доктринальном уровне правопонимания, когда речь идет о концептуальном обосновании права. В правовой действительности в условиях конкретной национальной системы права и ее источников и легитимного правопорядка для правового деятеля, конкретного человека ставить подобные вопросы не только нецелесообразно, но и практически невозможно. Если бы каждый раз это имело место, то правовая действительность представляла бы собой хаос. Такие вопросы возникают только в деятельности национальных конституционных судов и практике наднациональной юрисдикции при условии признания таковой национальным правопорядком. Они также объективно имеют место при утрате легитимности правопорядка, когда право перестает быть действующим, когда «...несоблюдение правовых обязанностей, – по мнению Г. Харта, – становится массовым явлением, на которое уже не способны воздействовать даже государственным принуждением адресанты правовых текстов» [15, с. 67–68]. Р. Алекси связывает утрату качеств легитимности и действительности правовой системы также с той ситуацией, в которой «...по причине крайней несправедливости приходится отказываться в правовом качестве и тем самым в правовой действительности такому количеству отдельных норм, что для функционирования правовой системы уже не остается необходимого минимального количества норм» [2, с. 113–114].

Однако такие случаи в правопорядке редки и любая правовая теория разрабатывается исходя из усредненных условий нормального легитимного правопорядка. Кроме того, не теоретически, а практически человеку в повседневной правовой действительности достаточно сложно

определить утрату правопорядком легитимности. И, напротив, наличие среднего или даже минимального уровня легитимации права подтверждается эмпирически, когда «реальное использование субъектами своих прав и следование своим правовым обязанностям свидетельствует о минимально необходимой степени легитимации правовых текстов» [14, с. 403].

Различение двух указанных методологических аспектов обуславливает разработку одновременно и концептуально-теоретического, и инструментального уровней правовой теории и правопонимания с демонстрацией их взаимосвязи и последовательного методологического перехода между ними. В дискуссиях между сторонниками различных типов правопонимания нередко определяющим является именно соблюдение этого условия.

С учетом выделенных методологических уровней рассмотрим три указанных выше базовых вопроса правопонимания.

Обязывающая сила правовой нормы для правового деятеля в функционально-инструментальном аспекте практически всегда связана с регулятивной значимостью системы источников действующего права в конкретном правопорядке. Эта значимость обуславливается легитимностью правопорядка и соблюдением легального, нормативно установленного способа формирования источников права. Легитимность здесь выражает общее подтверждение соответствия правомочия как личного правопритязания лица системе действующего права. Легитимность обеспечивает согласие подчиняться правопорядку на основании его общей значимости, включая согласие претерпевать установленные правопорядком меры принуждения. Как социальное явление легитимность складывается из множества правомочий, индивидуальных позиций признания, объединенных в интерсубъективное правовое явление. В этой связи представляются логичными рассуждения Н. В. Варламовой о том, что «основанием действительности всей нормативной системы является ее легитимация – признание значимости данного порядка и стремление избежать предельной санкции» [4, с. 101], причем обязывание основано на «признании непреложной значимости ценностей, на поддержание которых порядок направлен» [4, с. 102]. Легитимность поэтому есть личностно-ценностный акт признания, «внутреннее субъективно-эмоциональное отношение к порядку» [4, с. 102].

В концептуально-теоретическом смысле правовое обязывание возникает на основании понимания и выдвижения лицом своего притязания как ценностного и общезначимого, которое и выступает первичным источником правогенеза и обуславливает согласие также подчиняться порядку, формирующемуся как система таких правомочий. Человек как правовой деятель на этом уровне анализа выступает в качестве первичного источника правового. Это означает, что личностное воспроизводство правомочия, права предполагает и ценностное сообразование с тем, что воспроизводится: несмотря на то, в какой форме представлены источники права (официальная система источников права, личностно-правовой правогенез и т. д.), руководствуясь которыми человек координирует свое поведение, именно личностное признание правовым деятелем предписания обеспечивает ему существование в правовой действительности как ценностного и правового. В данном аспекте происходит связь должного и сущего, системы нормативного должествования с правовой действительностью как миром фактического прежде всего посредством правового деятеля и его ценностно-правовой позиции. Согласно антрополого-правовой методологии именно в человеке, его правовом сознании происходит синтезирование объективированной, нормативно выраженной правовой ценности с личностной правовой ценностью. Когда процесс правогенеза в функционально-инструментальном плане приобретает личностный характер, правовые нормы формируются непосредственно на основе личностных правовых ценностей. Они должны получить признание со стороны сообщества, таким образом получив социальную легитимацию, т. е. пройти последовательно личностное, а затем и социальное признание. При этом отметим, что социальная легитимация не означает упразднения постоянно осуществляющегося процесса личностного признания конкретных лиц, так как социум представляет собой постоянно динамичную и воспроизводящуюся множественность, сингулярность личностных правовых позиций. Соответственно, и поддержка ценностно-правового личностного акта осуществляется ценностно-волевыми усилиями конкретных правовых деятелей, образующих сообщество.

Понимание на концептуально-теоретическом уровне личностно-ценностного онтологического основания права как базы правогенеза не означает невострребованность, нефункциональ-

ность, недействительность и недейственность операционального правового инструментария – специальных юридических средств, обеспечивающих действие права. Несмотря на специальный юридико-догматический и искусственный характер этих юридических средств вследствие несоответствия их фактическому, например, презумпции знания закона, иерархии нормативных правовых актов и иных источников права в национальной системе источников права, установленного порядка введения в действие и отмены действия нормативных правовых актов и т. д., функционирование права без них невозможно. Как отмечалось выше, даже минимальная легитимность правопорядка всегда презюмируется правовым деятелем до того момента, пока обратное не будет выражено в факте отказа сообщества осуществлять в своем поведении необходимый минимум закрепленных в законодательстве прав и обязанностей, что указывает на недейственность, а значит и недействительность права. Р. Алекси связывает подобный критерий с наличием в правопорядке «в общем и целом социально действенной конституции» и установленных в соответствии с ней правовых норм, обладающих «минимумом социальной действенности или потенциальной возможности такой действенности» при условии отсутствия крайне несправедливых правовых предписаний [2, с. 157].

Г. Кельзен, понимая сложность согласования логико-теоретического и фактически-инструментального аспектов правопонимания, сформулировал положение о том, что «действенность [права] есть условие действительности, но не сама эта действительность» [7, с. 269]. Несмотря на усмотрение основания действительности нормы права не в ценностно-правовом акте, а в основной норме как трансцендентально-логической предпосылке права [7, с. 268–269], ученый полагал, что правопорядок сохраняет действительность в случае недейственности некоторых правовых норм, что связано с тем, что «правопорядок считается действительным, если его нормы *в общем и целом* действительны, т. е. фактически применяются и соблюдаются» [7, с. 268]. Иными словами, «общая и целая» действительность правопорядка и есть его подтвержденная минимальная легитимность.

Относительно вопроса *о правогенезе* главным предметом теоретико-правовых дискуссий является *место государства в процессе формирования и действия права*. Данный аспект антропологического правопонимания уже был представлен нами в самостоятельном исследовании [11], поэтому укажем лишь на основные его положения.

В процессе правогенеза государство выступает авторитетной, властной, институционально объективированной формой позитивации права, соотносящейся с его общественным признанием. Система официальных источников права в легитимном правопорядке, как отмечено выше, в функционально-инструментальном плане выступает формально-правовым источником правового обязывания для человека в повседневной действительности. Традиция противопоставления права государству и его институциональным элементам, в том числе и системе официальных источников права, выступающая концептуальным шаблоном мышления о государстве как обязательно противопоставленному праву, не является универсальной. Она сформировалась в новоевропейской естественно-правовой методологии в ситуации становления на Западе антирелигиозного и антимонархического дискурсов для решения конкретных задач. Как отмечает в связи с этим Г. А. Гаджиев, «вместе с протестом против положительного права естественно-правовая идея всегда несет с собой протест против власти, от которой исходят положительные законы» [5, с. 104].

Согласно части первой ст. 2 Конституции Республики Беларусь не государство, а именно человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью как общества, так и государства. Тем не менее именно государство выступает главным субъектом обеспечения субъективных прав и субъектом ответственности в публично-правовой сфере, в сфере обеспечения правопорядка, личной и общественной безопасности. Особенно очевидно это проявляется в случае возникновения различного рода природных катаклизмов, стихийных бедствий и т. д. Несмотря на современную тенденцию развития надгосударственных образований и институтов делиберативной демократии [6], государство остается доминирующим субъектом в рамках национальных правовых систем. Неслучайно Г. Кельзен основания действительности правопорядка, его развитие связывал с необходимостью следования правовому предположению: «должно вести себя так, как предписывает конституция» и вся вытекающая из нее

«...иерархическая структура выше- и нижестоящих норм» [7, с. 249]. Данное правило предполагает наличие легитимного правопорядка.

Признание в правогенезе первичности факта отражения в установленной государством системе источников права общезначимых и получивших легитимацию актов ценностно-правового притязания личности и социума, делает актуальным вопрос о предметном содержании правогенеза, т. е. о его ценностных основаниях. Ведь нередко и личностные притязания под видом «прав и свобод», требования социальной группы, международной организации и т. д. также могут стать источником неценностных, неправовых и несправедливых положений, искажающих элементарные базовые ценности права. И поэтому в антропологической концепции права в вопросе правогенеза приоритетное значение имеет выражение в правоустановлении *ценностей личности в праве*. Они рассматриваются не как априорные принципы и универсальные стандарты, но как складывающиеся и проявляющиеся в правовой действительности конкретного правового и социального порядков практики правовой деятельности. Ценностно-правовые притязания, формирующиеся в этих практиках, имеют направленность на справедливость как главное правовое благо, связанное как с развитием правовой личности и ее свойств в конкретном правопорядке, так и с коллективным благом данного сообщества в целом, выражающимся в воспроизводстве его цивилизационно-культурной идентичности, самостоятельном свободном творческом политическом, социально-экономическом, культурном развитии народа.

Роль государства в правоустановлении в этой связи в контексте выявления ценностных оснований правогенеза усматривается в двух основных направлениях. Во-первых, в институциональном закреплении личностно и социально признанных ценных для конкретного лица, социума и правопорядка правовых притязаний посредством их закрепления в иерархической системе источников права, осуществления разнообразных видов государственной властной юридической деятельности по реализации этих притязаний. Это выражается в правообязанности государства институционально обеспечить личностные и социальные правовые ценности. Во-вторых, в самом государственном ценностно-правовом установлении в тех сферах жизнедеятельности общества, которые затруднительны либо недоступны для личности и общества в силу их специфики и задач, возложенных на компетентные государственные органы.

Последнее особенно характерно для нашего времени, когда многие социальные процессы являются сверхдинамичными, непредсказуемыми; влекут за собой риски устойчивости развития; когда появляется множество сфер социальных отношений узкоспециализированной направленности, требующей специальной компетенции для определения их развития в публичных интересах. Государство обязано фиксировать и предугадывать, прогнозировать развитие всех этих социальных отношений прежде всего в целях защиты интересов человека и общества. Например, события пандемии COVID-19 показали стабилизирующую роль государства, которое было обязано обеспечить оказание надлежащей медицинской помощи, организовать производство вакцины и вакцинацию, а также обеспечить правовой режим, включая определение степени строгости карантинных мероприятий. Сфера развития информационно-коммуникационных технологий, связанная с появлением криптовалют, новых форм правоотношений (carsharing и пр.), определение условий безопасного Интернета и др. также потребовала разработки правовых норм, связанных с выражением законодателем публично-правового интереса.

Следует также учитывать, что процесс правогенеза на концептуально-теоретическом уровне как легитимация личностного правового притязания как ценностного и общезначимого не всегда реализуем в правовой действительности по прагматическим причинам. Общество как множественность личностных правовых позиций в конкретно-ситуативном плане представляет собой не публичный, а частный интерес, состоящий из сингулярных личностно-правовых позиций. Нередко оно может не осознавать необходимости установления определенного правила поведения, связанного с ограничением этого интереса. Например, негосударственные корпорации, занимающиеся разработкой компьютерных игр, программного обеспечения, а нередко и сами пользующиеся этими программными продуктами граждане до определенного времени могут не учитывать необходимость защиты персональных данных в отличие от государства, которое обязано обеспечить конституционные права граждан. Очевидно также, что принятие правовых норм финансово-экономического плана, имеющих обоснованный и рациональный для право-

порядка и национальной экономики характер, связанных с установлением новых налоговых платежей, повышением налоговых ставок, в целом – с увеличением расходов граждан, нецелесообразно ставить в зависимость от делиберативной процедуры в структуре нормотворческого процесса, что не означает нелегитимность данных норм. Не всегда возможно процедурно верно выявить факт общей легитимации того или иного притязания граждан, особенно в связи с возможным влиянием на их правовое сознание заинтересованных в определенной сфере деятельности акторов (например, цифровых медиа, сетевых сообществ, блогеров и т. д.). В этой связи должна быть обеспечена процедурная справедливость делиберативных институтов, например открытые и персонально ответственные правила публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Возможно, что для этого необходимо активнее использовать становящиеся более привычными для граждан мобильные платформы и приложения. Определенная сфера правового регулирования объективно по соображениям юридической рациональности вообще исключается из пространства общественной легитимации, что присуще всем национальным правовым порядкам (например, вопросы в области обеспечения обороны и национальной безопасности, защиты государственных секретов, военно-технического сотрудничества и др.).

Третий аспект проблемы правопонимания – *соотношение права и нравственности*. В юридическом позитивизме, названном Г. В. Мальцевым «юридической идеологией, основанной на отделении права от морали» [9, с. 45], проблема соотношения права и нравственности (морали) получила наименование «разделительного тезиса» (thesis of division, the separation thesis – англ.). В соответствии с ним определение понятия права, сущность этого феномена, а также обязывающая сила права не зависят и четко отделяются от нравственных норм как сущее от должного, исключая любую ценностную аргументацию в юридическом дискурсе [8, л. 14]. Несмотря на свое позитивистское происхождение, разделительный тезис является одним из важнейших индикаторов, по которому можно судить о типе правопонимания в рамках той или иной концепции.

В отличие от классических типов правопонимания выдвижение в антропологии права в центр правового анализа правового деятеля обуславливает необходимость уяснения, каким образом не только на уровне нормативного порядка права, но и на уровне правового деятеля как элемента правовой структуры проявляется соотношение права и нравственности.

Применительно к норме права, как отмечено выше, источником правогенеза выступает ценностное общезначимое притязание, которое приобретает четкую юридическую форму в системе объективированных источников права конкретного правового порядка. В таком случае независимо от того, под влиянием нравственных либо юридических (притязательно-двухсторонних) установок как актов легитимации сформировалось ценностное притязание, в системе источников права оно приобретает правовую форму. Отграничение в данном случае является формальным, однако связанным со специфической двухсторонней природой правовой нормативности. Эта же общезначимость и ее чисто юридический характер не являются столь очевидными при непосредственном правогенезе из ценностного притязания, так как в его выдвижении сложно дифференцировать нравственное и собственно правовое начала. Акт легитимации является актом признания в сознании человека как выражения, по словам Г. Харта, должного, надлежащего в целом [15, с. 93–95], а не в отдельном юридическом смысле, и именно вследствие его общезначимости и ценности происходит придание ему правового значения. Этим объясняется различное соотношение между правовыми и нравственными нормами в различных национальных правовых порядках: чем общезначимее для социума являются нравственные нормы, тем они в большей степени становятся правовыми и обеспечиваются санкциями. Например, признание в качестве ценных и общезначимых религиозных предписаний Ислама в качестве правовых норм в государствах Арабского Востока.

Относительно правового деятеля как элемента антрополого-правовой структуры разграничение права и нравственности представляет еще большую сложность, поскольку процессы правового сознания и правовой субъективации во многом протекают на основе синтеза правовых и нравственных элементов. Следовательно, на уровне правового сознания и в процессе формирования человека как правового деятеля отделить правовые от нравственных элементов практически не представляется возможным. При этом отметим, что на уровне человека, а не нормативной системы права, нравственность выражается в качестве личностной нравственной

ценности или их определенной устойчивой совокупности, определяющей оценку реальности с позиции представлений о добре и зле. Аналогичная межличностная, социальная оценка, присутствующая конкретному социуму в определенный исторический период и складывающаяся из множества личных актов, является общественной нравственностью или моралью. А. В. Поляков в связи с этим справедливо полагает, что «во многих случаях моральное и правовое сознание настолько переплетены, что разделить их практически невозможно» [13, с. 370]. Неслучайно и Н. Н. Алексеев главное отличие права от нравственности видел не в том, что право регулирует внешнее поведение, а нравственность внутреннее, а в том, что «нравственная норма предполагает более личное участие, заинтересованность, при которой правомочие органически вырастает в обязанность» [3, с. 91]. Нравственно должное в сознании лица представляет слитный неразрывный комплекс прав и обязанностей. П. И. Новгородцев также категорично указывал на необходимость не разграничения, а синтеза права и нравственности, в связи с чем предлагал пересмотреть новоевропейскую правовую методологию и правовые идеалы, связанные с концепциями правового государства и прав человека [10, с. 373–374]. Невозможность органичного развития права в отрыве от нравственности в своих работах последовательно обосновывал и Г. В. Мальцев [9, с. 377–390].

Антропологическое правопонимание основывается на идее легитимности правопорядка, т. е. признании его общезначимости и ценности как основания обязательности правовых норм. Функционально это обеспечивается системой официальных источников права либо иногда актом непосредственного правоустановления, получающим социальную легитимацию и отражающимся в итоге в системе действующего права. Государство не только институционально закрепляет общепризнанные ценностные положения в системе источников права, но и само является субъектом правоустановления, и в первую очередь в тех сферах жизнедеятельности общества, которые затруднительны либо недоступны для личности и общества в силу их специфики и задач, возложенных на компетентные государственные органы. Проблема «разделительного тезиса» в антропологическом правопонимании актуальна лишь на уровне нормативного порядка права, потому что на уровне человека как правового деятеля имеет место синтез либо, по крайней мере, сложное взаимопроникновение правового и нравственного долженствований.

Список использованных источников

1. Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб. : Лань, 1999. – 256 с.
2. Алекси, Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси ; пер. с нем. А. Н. Лаптева, Ф. Кальшойера ; науч. ред. Т. Ф. Яковлева. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.
3. Борщ, И. В. Николай Алексеев как философ права : монография / И. В. Борщ. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 168 с.
4. Варламова, Н. В. Нормативность права: проблема интерпретации / Н. В. Варламова // Тр. Ин-та государства и права РАН. – 2013. – № 4. – С. 76–115.
5. Гаджиев, Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
6. Денисенко, В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Денисенко. – СПб., 2020. – 323 л.
7. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен ; пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. – 2-е изд. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.
8. Краевский, А. А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Краевский. – М., 2014. – 231 л.
9. Мальцев, Г. В. Нравственные основания права : монография / Г. В. Мальцев. – 2-е изд., пересм. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 400 с.
10. Новгородцев, П. И. О своеобразных элементах русской философии права / П. И. Новгородцев // Сочинения / П. И. Новгородцев ; сост.: М. А. Колерова, Н. С. Плотникова ; отв. за вып. М. В. Ганичева. – М. : Раритет, 1995. – С. 367–387.
11. Павлов, В. И. Государство и проблема правогенеза в антропологическом подходе к праву / В. И. Павлов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 214–217.
12. Павлов, В. И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания / В. И. Павлов // Правоведение. – 2015. – № 4. – С. 71–97.
13. Поляков, А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций / А. В. Поляков. – СПб. : Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. – 864 с.

14. Поляков, А. В. Коммуникативное правопонимание / А. В. Поляков // Избр. тр. / А. В. Поляков. – СПб. : Алеф-Пресс, 2014. – 575 с.

15. Харт, Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева ; пер. с англ. Е. В. Афонасина [и др.]. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 302 с.

Дата поступления в редакцию: 30.09.2022

УДК 342.3

К. Д. Сазон, кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры конституционного и международного права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: KSazon@list.ru

О ФОРМИРОВАНИИ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ

С учетом конституционной природы народного представительства рассматриваются правовые основы организации и деятельности Всебелорусского народного собрания. Акцентируется внимание на конституционных положениях, определяющих порядок избрания делегатов Всебелорусского народного собрания. Обосновываются отдельные предложения для реализации их в законе о Всебелорусском народном собрании.

Ключевые слова: Конституция, Всебелорусское народное собрание, законодательство, делегат, народовластие, представительство

K. D. Sazon, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Constitutional and International Law
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: KSazon@list.ru

ON THE FORMATION OF THE ALL-BELARUSIAN PEOPLE'S ASSEMBLY

Taking into account the constitutional nature of the people's representation, the content of the constitutional foundations of the organization and activities of the All-Belarusian People's Assembly is clarified. The author focuses on the constitutional provisions, which determine the procedure for electing delegates to the All-Belarusian People's Assembly. Certain normative provisions are proposed to be consolidated in the law on the All-Belarusian People's Assembly.

Keywords: the Constitution, the All-Belarusian People's Assembly, legislation, a delegate, people's power, representation

Решение республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. об изменении и дополнении Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) вступило в силу 15 марта 2022 г. Обновление Основного Закона, по мнению Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, позволило сохранить основы суверенного государства, гарантирующего социальную защищенность граждан, усовершенствовать институт народовластия и создать систему управления, отвечающую вызовам нашего времени [4]. Одним из самых заметных конституционных преобразований стала конституционализация статуса Всебелорусского народного собрания (ВНС) как высшего представительного органа народовластия, предназначенного выполнять стабилизирующую и консолидирующую функции в обществе [7].

Определение ВНС в качестве высшего представительного органа народовластия, наделение его существенными конституционными полномочиями для определения стратегических направлений развития общества и государства, обеспечения незыблемости конституционного строя, преемственности поколений и гражданского согласия обуславливает необходимость определения его конституционно-правовой природы и соответствующего ей нормативного правового регулирования.

Так, О. И. Чуприс отмечает, что «ВНС как представительный орган может оказывать воздействие на все ветви власти, уравнивая также президентскую, а обладая правом на принятие нормативных правовых актов стратегического характера, оно наделяется также функциями ор-